

На правах рукописи

Бобров Денис Сергеевич

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОСВОЕНИЯ
РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ
ВЕРХНЕГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ (АЛТАЯ)
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Барнаул – 2017

Работа выполнена на кафедре отечественной истории ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Скубневский Валерий Анатольевич

Официальные оппоненты: **Побережников Игорь Васильевич**
доктор исторических наук,
ФГБУН «Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук»,
сектор методологии и историографии,
заведующий сектором

Тяпкин Михаил Олегович
кандидат исторических наук, доцент,
ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»,
кафедра теории и истории права и государства,
начальник кафедры

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
кафедра истории России

Защита состоится 06 декабря 2017 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.005.08 при ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» по адресу: 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, ауд. 416.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
http://www.asu.ru/science/dissert/hist_diss/

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Горбунов Вадим Владимирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Генерализация имперской государственности в России на протяжении XVIII столетия обусловила появление в административной повестке вопроса о наиболее эффективных способах колонизации и инкорпорации присоединенных окраин. Интенсификация освоенческих процессов, прежде всего, в восточных районах России потребовала выработки комплекса апперцептивно-регулируемых рычагов воздействия власти на административные, социально-экономические и даже физико-географические параметры пространства с целью их наиболее рациональной трансформации и приведения к соответствию общегосударственным характеристикам. Такие каналы трансляции воли имперского центра как освоителя следует считать механизмами государственной политики. Колонизационная ситуация в Верхнем Обь-Иртыше (Алтае) первой половины XVIII в. потребовала от имперского центра привлечения комплекса политических (политико-правовых) механизмов, поскольку они были напрямую связаны с деятельностью государства или сферой его интересов в междуречье Оби и Иртыша.

Интерес к соответствующей проблематике обусловлен неослабевающим вниманием специалистов к стратегиям и практикам присоединения отдаленных пространств России, а также их интеграции в политико-экономическую систему страны в период Нового времени. Обращение к феномену складывания и реализации государственной политики освоения Верхнего Обь-Иртышья в контексте относительно рыхлого административно-правового фундамента первых десятилетий XVIII в. позволяет дополнить картину имперской политики колонизации южных районов Западной Сибири. Изучение коммуникации по линии «имперский центр – осваиваемая окраина» на фоне разворачивавшейся в регионе модернизации способствует определению исторического места Алтая в административно-политической структуре Российской империи образца XVIII в. В свою очередь, восстановление управленческих реалий освоенческого процесса первой половины столетия в состоянии расширить существующую систему сведений о первоначальных этапах истории региона, раскрыть ранее не выявленные факторы и предпосылки преобразований в политико-правовой среде Алтая середины – второй половины XVIII в.

В более широком ракурсе опыт исследования генезиса и развертывания политико-правовых механизмов в условиях активизации освоения приграничных территорий создает условия для определения характера влияния этого процесса на развитие имперской модели пространственного укрупнения. Кроме того, реконструкция соответствующих механизмов воздействия государственной власти на инкорпорируемые области обнажает необходимость углубления научных представлений о связи пространственного и административного факторов

в процессе освоения, их совместной роли в региональных трансформациях имперского периода.

Степень изученности темы. Неоднородная природа механизмов государственной политики предопределяет необходимость выстраивания историографического анализа по проблемно-хронологическому принципу.

Разработка вопросов регионального управления Сибирью была начата в дореволюционной историографии В.А. Кулешовым, Н.Н. Оглоблиным и Ю.В. Готье¹. В советский период реформы регионального и местного звеньев общеимперской системы администрирования первой половины XVIII в. рассмотрены Н.П. Ерошкиным и Н.Ф. Демидовой². Историография последней четверти XX в. – начала XXI в. не ослабила интерес к функционированию в Сибири нижних ярусов системы управления³. Проблемы воеводской власти в регионе и нормативно-правовой базы ее осуществления оказались в центре внимания Е.В. Вершинина и Д.А. Ананьева⁴. Современный этап развития историографической мысли характеризуется стремлением представить единый интегрированный подход к изучению управления Сибирью как имперской окраины в широком хронологическом диапазоне XVIII – первой половины XIX в.⁵

Реконструкция освоения южных районов Западной Сибири невозможна без учета вопроса так называемой крестьянской колонизации. Авторитетнейшие отечественные историки крестьянства В.А. Александров, Н.А. Миненко, В.И. Шунков и З.Я. Бояршинова рассматривали различные аспекты крестьянской колонизации на общесибирском материале⁶. Как в этих

---

¹ Кулешов В. Наказы сибирским воеводам в XVII в.: исторический очерк. 2-е изд. Болград, 1894; Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 1: Документы воеводского управления. М., 1895; Готье Ю.В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913; Т. 2. Л., 1941.

² Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

³ Рафиенко Л.С. Управление Сибирью в 20-80-е гг. XVIII в.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1968; Она же. Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. памяти В.И. Шункова. М., 1973. С. 364-380; Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996; Он же. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. Новосибирск, 2003. С. 28-98; Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000. С. 78-109.

⁴ Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998; Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск, 2005;.

⁵ См., например: Красняков Н.И. Становление системы государственного управления в Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004; Гергилев Д.Н. Развитие системы административного управления Сибирью в XVIII – первой трети XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2010.

⁶ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М., 1946; Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949; Александров В.А. Возникновение сельской общины в Сибири в XVII в. //

работах, так и в специальном издании, посвященном крестьянству Сибири,⁷ фактически провозглашается идея исключительного приоритета крестьянской колонизации над государственной. Компромиссной точки зрения о постепенном вызревании «смешанной» формы колонизации придерживались М.М. Громько и Г.Ф. Быконя⁸.

Иной подход к освоению Верхнего Обь-Иртышья (Алтай) представлен в работах, посвященных фортификационной и военно-инженерной политике России на юге Западной Сибири. В дореволюционной историографии были заложены предпосылки активизации внимания специалистов к строительству укреплений на окраинах Российского государства⁹. В советский период уже региональные авторы обратились к причинам возникновения российских оборонительных сооружений в Верхнем Обь-Иртышье¹⁰. А.Ю. Огурцов, С.Р. Муратова, В.Д. Пузанов и С.Ю. Исулов пришли к практически идентичному выводу о том, что остроги Верхнего Приобья и крепости на Иртыше являлись ключевыми элементами военно-колонизационного процесса, развернутого в регионе центральными и региональными властями¹¹. В ряде работ Е.Н. Евсеева и Е.А. Княжецкой раскрываются фактические обстоятельства российских экспедиций в верховья Иртыша¹².

История СССР. 1987. № 1. С. 54-68; Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1991.

⁷ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

⁸ Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и сельскохозяйственное освоение. Новосибирск, 1965; Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985; Он же. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.: монография [Электронный ресурс]. Красноярск, 2013.

⁹ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. В 4-х т. Т. 1-4. СПб., 1858-1866; Фриман Л. История крепости в России. Ч. 1: До начала XIX столетия. СПб., 1895.

¹⁰ Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. Барнаул, 1975; Булыгин Ю.С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1986. С. 3-24; Уманский А.П. Указная грамота Петра Великого о сооружении Бикатунского острога // Алтайский сборник. Вып. XVI. Барнаул, 1995. С. 181-189; Он же. Кузнецк и Алтайские остроги // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1999. С. 3-17.

¹¹ Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990; Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири: строительство сибирских укрепленных линий. Тобольск, 2007; Она же. Сибирские укрепленные линии в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. С. 25-89; Пузанов В.Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132-142; Он же. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVIII в.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2010; Он же. Военная политика Русского государства в Западной Сибири. Сургут, 2011; Исулов С.Ю. Крепость Бийская – есть главная... Барнаул, 2009; Он же. Роль Бийской крепости в военно-колонизационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4. Т. 3. С. 91-94.

¹² Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухгольца и основание Омской крепости // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 47-59; Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева (1719 – 1720 гг.) // Страны и народы Востока. Вып. XXVI: Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). М., 1989. Кн. 3. С. 10-35.

Именно Верхнее Прииртышье определяется в трудах казахстанских специалистов, исходя из геополитической ситуации XVIII в., как ключевой район, находящийся на стыке Сибири и Средней Азии. Его историческое развитие рассматривается в контексте либо тяготения российской и казахской элит друг к другу¹³, либо джунгаро-казахских отношений XVII – первой половины XVIII в.¹⁴

Отдельную группу исследований составляют работы, посвященные статусу и деятельности служилых людей. Особенности функционирования социальной корпорации на примере различных районов Сибири раскрыты Г.А. Леонтьевой и Н.И. Никитиным¹⁵. И.Р. Соколовский показал служилых людей польско-литовского происхождения как активных участников колонизационных процессов в Сибири XVII в.¹⁶ Е.В. Бородина акцентирует внимание на том, что служилые люди Западной Сибири нередко использовали различные государственные инстанции, в том числе судебные, в своих личных целях¹⁷. Схожие подходы к изучению процессов присоединения и освоения Южной Сибири выработаны исследователями казачества¹⁸.

Фундамент анализа взаимоотношений России с государствами и полугосударственными образованиями южных районов Западной Сибири и Центральной Азии был заложен Г.Ф. Миллером и М.И. Венюковым¹⁹. Основы концептуального подхода к определению характера российско-джунгарских и российско-китайских отношений в советской и современной историографии определены И.Я. Златкиным и В.А. Моисеевым²⁰.

---

¹³ Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Алма-Ата, 1948.

¹⁴ См., например: Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI – XVIII вв. Алма-Ата, 1971; Едилханова Е.А. Казахско-джунгарские взаимоотношения в XVII – XVIII вв. Алматы, 2005.

¹⁵ Леонтьева Г.А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой половине XIX в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. М., 1988.

¹⁶ Соколовский И.Р. Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.

¹⁷ Бородина Е.В. Служилые люди Урала и Западной Сибири в судебных конфликтах (1720-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 73-79.

¹⁸ История казачества Азиатской России. В 3-х т. Екатеринбург, 1995. Т. 1; Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул, 1996; Ивонин А.Р., Колупаев Д.В. Казаки на Алтае в XVIII – XIX столетиях: исторические очерки. Барнаул, 2003;

¹⁹ Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 г. // История Сибири. Первоисточники. Вып. VI: Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / изд. подготов. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 17-36; Он же. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оног отправлений и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 473-507; Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873.

²⁰ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). М., 1983; Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998.

Особенности взаимодействия России и Джунгарского ханства в приграничных районах юга Западной Сибири обстоятельно представлены в трудах О.В. Боронина и Р.А. Кушнерик²¹.

С другого ракурса интеграцию Верхнего Обь-Иртышья в состав Российского государства видят специалисты по этнополитической истории. А.П. Уманский, Г.П. Самаев и Н.С. Модоров в той или иной степени усматривают сложный характер российско-алтайских отношений в конце XVII – начале XVIII в., обусловленный неспособностью имперской элиты силой завершить процесс присоединения предгорий Алтая²². Более широкая картина инкорпорации этого района в состав России представлена Л.И. Шерстовой, выделившей несколько моделей взаимоотношений политической элиты страны с аборигенными социально-политическими образованиями юга Западной Сибири²³.

Промышленная колонизация Верхнего Обь-Иртышья и генезис горно-металлургического производства в регионе воссозданы В.Б. Бородаевым, М.А. Деминим, А.В. Контевым и О.Е. Контевой²⁴. Работы В.Б. Бородаева и А.В. Контева последних лет посвящены истории картографирования Алтая, уточнению обстоятельств сооружения российских крепостей в Верхнем Прииртышье²⁵. Итоговая монография «Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620-1720 гг.» представляет собой уникальный опыт последовательной реконструкции деятельности

---

²¹ Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2004; Кушнерик Р.А. Русско-Джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII вв.). Барнаул, 2008.

²² Потапов Л.П. Очерк истории ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933; Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991; Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII – XVIII вв. Новосибирск, 1980; Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII – XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996.

²³ Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005.

²⁴ Бородаев В.Б., Демин М.А., Контев А.В. Рассказы по истории Алтайского края. Ч. 1. Барнаул, 1997; Контев А.В. Становление и развитие горно-металлургического производства в Западной Сибири: конец XVII – первая половина XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997; Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000; Контева О.Е. Становление и развитие системы управления кабинетским горнозаводским ведомством в Западной Сибири: 1745 – 1798 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005.

²⁵ Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья. Барнаул, 2006; Бородаев В.Б. Архивные документы 1719 – 1720 гг. о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости // Роль архивных учреждений в истории Казахстана. Усть-Каменогорск, 2010. С. 29-42; Он же. Русские документы 1717 – 1720 гг. об основании Семипалатной крепости // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск, 2014. С. 267-271; Контев А.В. Первый сибирский губернатор М.П. Гагарин и основание русской крепости на реке Омь // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2016. Т. 2. № 4. С. 144-145; Он же. Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 51-56.

посылавшихся в Верхнее Обь-Иртышье в 10 – начале 20-х гг. XVIII в. команд, а также административных ответов центральной и региональной власти на результаты экспедиций²⁶.

Практика создания целостного взгляда на историю освоения Обь-Иртышского междуречья отражена в обобщающих изданиях. Уральские исследователи обратились к проблеме значения азиатских территорий в административно-политической и социокультурной истории России XVI – XX вв.²⁷ В коллективной монографии специалистов из института истории СО РАН социально-политическая история Верхнего Обь-Иртышья XVII – первой половины XVIII в. рассматривается в контексте «русско-джунгарской фронтальной зоны», возникшей в результате военно-стратегического проникновения России в регион²⁸. В рамках «новой имперской истории» освоение Сибири характеризуется как аккомодация оригинальной политико-административной реальности, связанная с генезисом ряда ментально-географических пространственных образов²⁹.

Итак, несмотря на внушительный массив специальной литературы, следует констатировать недостаточное внимание исследователей к политико-правовым механизмам воздействия государства на регион. При достаточно высокой степени изученности функционального статуса регионального и местного звеньев системы управления до сих пор не реконструирована деятельность низовых структур административной вертикали, не показана специфика коммуникации между ними и вышестоящими институтами в контексте протекания освоенческого процесса. В силу того, что историки в той или иной степени игнорируют содержание административного дискурса, целостно не воссоздана пространственная модель Верхнего Обь-Иртышья.

Объектом диссертационного исследования является государственная политика освоения Верхнего Обь-Иртышья (Алтая).

Предметом исследования выступили политико-правовые механизмы освоения Российским государством Верхнего Обь-Иртышья. Среди таковых наибольший удельный вес в имперской административной программе первой половины XVIII в. получили формирование пространственной модели региона, складывание законодательного поля и системы управления.

Пространственная модель представляла собой набор восприятий и представлений управленческого аппарата различных уровней относительно физико-географических, геостратегических и административно-

---

²⁶ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620-1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015.

²⁷ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI – XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004.

²⁸ Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII – XX вв. / отв. ред. М.В. Шилловский. Новосибирск, 2009. С. 357-363.

²⁹ Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007. С. 13-42.

политических параметров Алтая. Окраинное положение Алтая обусловило превращение государственной границы в системообразующую единицу пространственной модели региона при сохранении в ней стратегически значимой роли административных объектов.

Складывание законодательного поля и системы управления на первоначальных этапах имперского освоения выступало единым неразрывным процессом. Законодательство дифференцировало иерархические уровни системы администрирования, а также служило средством формализации и ретрансляции управленческой доктрины. В свою очередь, система управления, опираясь на соответствующие нормативно-правовые конструкции, являлась фактором стабилизации и упорядочивания освоенного процесса в регионе.

Целью диссертационного исследования стала реконструкция практики реализации политико-правовых механизмов освоения Российским государством Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в.

Достижение заявленной цели предполагает последовательное решение следующих **исследовательских задач**:

1. определить роль административных объектов в пространственной модели Алтая;
2. рассмотреть процесс генерализации государственной границы России в Верхнем Обь-Иртышье в контексте формирования пространственной системы региона;
3. раскрыть различные парадигмы (подходы) к восприятию государственной границы на различных уровнях российского административного дискурса;
4. установить ключевые параметры организации государством системы управления Верхним Обь-Иртышьем в первой половине XVIII в.;
5. проанализировать важнейшие направления взаимодействия и коллизий между гражданскими властями, а также частновладельческими приказчиками Кольвано-Воскресенских заводов;
6. исследовать функциональный статус и административный опыт приказчиков острогов и слобод Верхнего Приобья как низового звена системы управления локальным районом;
7. выделить специфику администрирования Верх-Иртышскими крепостями в первой половине XVIII в.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины 10-х гг. по середину 40-х гг. XVIII в. Начальная граница обусловлена активизацией действий российских властей по освоению междуречья Оби и Иртыша, когда экспедиции И.Д. Бухголца и И.М. Лихарева достигли верховий последнего, а в Верхнем Приобье были сооружены Белоярская и Бикатунская крепости. Верхняя граница детерминирована существенными изменениями в административно-правовой среде Верхнего Обь-Иртышья середины 40-х гг. XVIII в.: передачей Кольвано-Воскресенских предприятий под управление Кабинета Его

Императорского Величества и завершением первого этапа создания Сибирских укрепленных линий.

Территориальные границы диссертационного исследования включают в себя часть пространства юга Западной Сибири, располагавшуюся в верховьях двух крупных рек Сибири – Оби и Иртыша. Эти территории обозначаются как «Верхнее Обь-Иртышье» и рассматриваются в качестве синонима термина «Алтай». Указанная географическая область включает в себя два локальных района: Верхнее Приобье и Верхнее Прииртышье. Фактические границы Верхнего Приобья простирались от Телецкого озера до устья Берди. Верхнее Прииртышье, в нашем понимании, включало в себя земли от истоков Иртыша до Железинской крепости.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и системности. Историзм предполагает рассмотрение политико-правовых механизмов государственной политики освоения Верхнего Обь-Иртышья в качестве уникального самобытного исторического явления, претерпевавшего в своем развитии определенные стадии и этапы. Принцип системности подразумевает экспликацию механизмов государственной политики через последовательное раскрытие свойств отдельных элементов каждого инструментария и последующую интеграцию полученных результатов в единую макросистемную плоскость.

В общетеоретическом плане диссертационное исследование развернуто на основе теорий модернизации и фронта. В свете модернизационного дискурса политико-правовые импульсы освоения Верхнего Обь-Иртышья, исходившие от государства, позиционируются в качестве проявления модернизационного воздействия со стороны имперского центра как актора освоения, а реализация заданной доктрины и конкретные административные реалии анализируются с позиций воздействия на них сложившихся к этому моменту тенденций стагнации и архаизации в управленческой и политико-правовой средах. Привлечение концепций фронта и фронтальной модернизации создало теоретическую платформу рассмотрения политико-правовых механизмов освоения государством Алтая в контексте взаимодействия модернизационных импульсов с фронтальной средой.

В исследовании активно применены общенаучные, а также специально исторические методы, среди которых стоит выделить историко-генетический, историко-системный и историко-сравнительный.

Источниковая база диссертационного исследования представлена законодательными, делопроизводственными и картографическими материалами, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Системобразующим звеном источникового корпуса стала делопроизводственная документация. Костяк этой группы источников диссертации составили археографические памятники первой половины XVIII в., извлеченные из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА): Ф. 24. (Сибирский приказ и управление Сибирью);

Ф. 113 (Зюнгорские дела); Ф. 214. (Сибирский приказ); Ф. 248 (Сенат и его учреждения); Ф. 415 (Сибирская губернская канцелярия); Ф. 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия); Ф. 1134 (Кузнецкая приказная изба); Ф. 1402 (Бийская судная изба). Специфика администрирования в крепостях Верхнего Прииртышья определена на основе документов из Ф. 5 (Артиллерийская экспедиция Военной коллегии), Ф. 20 (Воинская экспедиция Военной коллегии) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Для реконструкции дипломатической доктрины имперской элиты дополнительно привлечены отдельные материалы из Ф. 113 (Зюнгорские дела) Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Стоит отметить неравномерность накопления исторического материала, посвященного административной истории Верхнего Обь-Иртышья, в хранилищах центральных архивов. Это обуславливает возможность лишь выборочного привлечения дел из большинства названных фондов. Исключение из этого составляют «региональные» Ф. 517, 1134, 1402 РГАДА, где отложился наиболее значительный объем документов по заявленной тематике.

Использованные при написании диссертации законодательные источники выделены из документов Ф. 248 РГАДА, а также из первого собрания Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ). Эти акты отражают законодательную волю главы государства и содержат конкретные указания региональной власти в отношении решения наиболее сложных административных вопросов Верхнего Обь-Иртышья: постройки и переноса крепостей, действий в случае обострения отношений с Джунгарским ханством, разграничения предметов ведения между губернатором и воеводами. Не меньшее значение для исследования имеют указы о посылке военных и геодезических экспедиций в Верхнее Обь-Иртышье, порядке заселения и таможенного регулирования прилегавшего к крепостям пространства, а также частновладельческой принадлежности Кольванских предприятий. Особняком стоят вошедшие в ПСЗРИ наказания воеводам и земским комиссарам, явившиеся нормативно-правовой основой деятельности соответствующих институтов и позволившие раскрыть сферу компетенции местных властей.

Определенная часть делопроизводственного массива источников и законодательных актов нашла свое отражение в опубликованных сборниках документов³⁰.

---

³⁰ Материалы для истории Сибири / сост. Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1867; Памятники сибирской истории. Кн. 2. СПб., 1885; Международные отношения в Центральной Азии. XVII – XVIII вв.: Документы и материалы. Кн. 1. М., 1989; История Алтая в документах и материалах, конец XVII – начало XX в. Барнаул, 1991; Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006; Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730 – 1740-х гг. (по анкетам В.Н. Татищева): сб. док.

Исключительной важностью для исследования обладают собранные картографические материалы. Основу картографического блока источников составили памятники, хранящиеся в Ф. 192 (Картографический отдел библиотеки МГАМИД) и Ф. 271 (Берг-коллегия) РГАДА; фондах отдела картографии Российской государственной библиотеки (РГБ, отдел КГР), Государственного исторического музея (ГИМ), а также отдела рукописей Библиотеки Российской Академии наук (БРАН). В дополнение к этому в диссертации использованы опубликованные ограниченным тиражом в первой трети – середине XVIII столетия первые атласы Российской империи, а также переизданные в начале XXI в. чертежи и хорографические картины С.У. Ремезова³¹. Кроме того, отдельные фрагменты некоторых карт Алтая опубликованы В.Б. Бородаевым и А.В. Контевым³².

В целом, одной из главных характеристик привлеченного корпуса источников является его видовое многообразие. Возможность взаимодополняемости, взаимозаменяемости и взаимопроверяемости содержащихся в источниках сведений способствовала достижению цели и задач исследования.

Научная новизна исследования заключается в опыте комплексного изучения политико-правовых инструментариев освоения Верхнего Обь-Иртышья. Впервые в сибиреведческой литературе пространственная модель региона и система управления им рассматриваются в качестве самостоятельных механизмов государственной политики.

Многоаспектно освещается феномен государственной границы России в Обь-Иртышском междуречье, с опорой на картографические и документальные материалы выделяются и раскрываются три нетождественные парадигмы государственной границы. В работе детализируются функциональный статус и нюансы правоприменительной деятельности низовых структур управления Верхним Обь-Иртышьем, реконструируются две модели построения административной вертикали.

Практическая значимость исследования предполагает использование полученных результатов в деятельности структур исполнительной власти. Центральные органы управления могут привлекать положения диссертации при установлении и корректировке режима функционирования государственной границы с целью повышения его эффективности. Для региональных и местных властей определен интерес представляют способы формирования управленческих стратегий и осуществления администрирования в условиях дефицита кадрового состава

СПб., 2010; Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв.: сб. док. Новосибирск, 2010.

³¹ Хорографическая чертежная книга Сибири: Факсимиле рукописи 1697 – 1711 гг. Тобольск, 2013; Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.: в 2 т. М., 2003. Т. 1: Факсимиле рукописи из собрания Российской государственной библиотеки.

³² Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас... С. 53-68.

сотрудников и материально-технической базы. Кроме того, положения диссертации могут послужить основой для создания академических и научно-популярных трудов обобщающего характера по истории региона, проведения специальных исследований в области пространственного восприятия Алтая, и реконструкции управленческой среды.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Ключевые положения диссертации прошли широкую апробацию и были представлены в виде докладов на 36 конференциях различного уровня, в том числе на 6 международных (г. Москва, Новосибирск, Барнаул), 16 всероссийских (г. Москва, Екатеринбург, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Омск, Тобольск, Барнаул), 9 региональных (г. Барнаул, Бийск, Рубцовск) и 5 конференциях иного статуса. В общей сложности по теме исследования опубликованы 32 работы, в том числе: 4 статьи в журналах из перечня ВАК, 2 раздела в коллективных монографиях, 16 публикаций размещены в системе РИНЦ.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Административные объекты Алтая стали стержнем формирования пространственной модели региона, выступая для различных субъектов освоения средством идентификации и маркирования территорий.
2. В течение первой половины XVIII в. делимитированная и демаркированная граница России в Обь-Иртышском междуречье отсутствовала, однако вопрос государственных рубежей стал одним из факторов выработки имперскими структурами освоенческого курса.
3. В административных реалиях существовало три подхода (парадигмы) восприятия государственной границы на юге Западной Сибири: официально-дипломатический, локально-управленческий и картографический.
4. Отсутствовали нормативно-правовые и административно-политические основы регулирования отношений по линии «кузнецкий воевода – управители ведомства Кольвано-Воскресенских заводов», что предопределило столкновение интересов гражданских властей и частновладельческих приказчиков.
5. Система управления Верхним Обь-Иртышьем носила многоуровневый характер, значительная роль в ней принадлежала локальным административным структурам. В регионе функционировали две модели построения низовых звеньев управленческой вертикали: в острогах и слободах Верхнего Приобья администрирование осуществляли приказчики, в Верх-Иртышских крепостях – штаб-офицеры, руководившие гарнизонными канцеляриями.
6. Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья, с одной стороны, выступали проводниками политики воеводы, а с другой – принимали управленческие решения в рамках освоенческой конъюнктуры, исходя из складывавшихся условий и обстоятельств.

7. Администрирование Верх-Иртышскими крепостями являлось эклектичным и слабо структурированным по своему характеру. Активное вовлечение в управленческий процесс центральных органов власти периодически создавало ситуацию противоречия имперской доктрины военно-политической обстановке вокруг крепостей.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее изученности, определяются объект и предмет, цель и задачи диссертации, хронологические и территориальные рамки, методологическая основа работы, дается характеристика источниковой базы исследования, раскрываются его научная новизна и практическая значимость, приводятся данные об апробации полученных результатов, а также представляются выносимые на защиту положения.

В первой главе **«Формирование пространственной модели Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в.»** показаны административные объекты и государственная граница России в качестве важных элементов и факторов формирования набора пространственных восприятий и представлений управленческого аппарата о физико-географических и административно-территориальных параметрах Алтая.

Первый параграф *«Административные объекты Верхнего Обь-Иртышья в системе пространственной модели региона»* содержит анализ роли острогов, крепостей и Кольвано-Воскресенских предприятий в пространственной системе и освоенческой программе Алтая.

Возведение российских инженерных укреплений в регионе сигнализировало органам власти о необходимости интенсификации освоенческих процессов. Как для управленческих структур, так и местных жителей остроги и крепости в Верхнем Обь-Иртышье становились инструментом первичной идентификации пространства. Для служилого и поднадзорного населения они приобретали характер «маяков», позволявших осуществлять навигацию в пределах того или иного района. Укрепления виделись различным субъектам освоенческого процесса серединой «новых земель», местами наибольшего сосредоточения административной власти и военно-политической силы.

Крупные российские инженерные сооружения в Верхнем Обь-Иртышье делились на две большие группы: остроги Верхнего Приобья (Бикатунский и Белоярский, плюс защитные сооружения Мальшевской слободы), а также Верх-Иртышские крепости (Ямышевская, Железинская, Семипалатная, Усть-Каменогорская).

Бикатунский острог на протяжении первой половины XVIII в. являлся узловой точкой российской политики в верховьях Оби, он рассматривался имперскими властями одновременно как стратегически важный оборонительный форпост и средство фиксации пределов государственной территории. Белоярская крепость и Малышевская слобода, располагаясь в непосредственной близости друг от друга, и вдали от районов проживания ойротов, превращались в единый «хлебный» плодородный район. Крепости на Иртыше, несмотря на очевидную тенденцию восприятия их в качестве единой линии, также имели определенную дифференциацию. Железинская крепость мыслилась в качестве локальной области наиболее привлекательной для инициации хозяйственной деятельности, а Ямышевская крепость достаточно быстро взяла на себя функцию административного центра, места расположения командира Верх-Иртышских крепостей.

Другой разновидностью объектов пространственной модели Алтая стали промышленные предприятия А.Н. Демидова, появление которых существенно изменило систему восприятия осваиваемых территорий. Если ранее основной акцент административной политики смещался в сторону защиты русских поселений правобережья Бии и Оби, а также Кузнецка от набегов калмыков, то теперь одной из важнейших для обороны точек становился Кольванский завод.

Во втором параграфе *«Складывание государственной границы России в Верхнем Обь-Иртышье. Проблема государственных рубежей в административном дискурсе»* исследуется государственная граница России в междуречье Оби Иртыша как социально-политический институт и фактор формирования освоенческого курса.

Генезис государственной границы в регионе протекал на фоне нивелирования роли международно-дипломатических процедур в имперской политике и административном дискурсе. В первой половине XVIII в. делимитированная и демаркированная граница России на юге Западной Сибири отсутствовала. Проявлялась существенная инерция региональных и местных властей в осмыслении динамики военно-политической обстановки в регионе. Действие этих и других факторов привело к возникновению нескольких парадигм (программ) восприятия российской границы в Верхнем Обь-Иртышье.

Картографическая парадигма заключалась в специфическом визуальном отображении государственной границы, отвечавшем военно-стратегическим задачам российской политики в регионе. В чертежах С.У. Ремезова рубежи России на юге Западной Сибири обозначались литерно и образно-графически, а сами работы соединяли в себе рациональные и идеалистические способы фиксации. Это привело к возникновению в сознании общественной и административной элиты ризоматических представлений о границе, своеобразной «безграничной границы». В дальнейшем верх взяла рациональная составляющая. В картографических материалах вплоть до второй трети XVIII в. кристаллизовались две

симбиотические тенденции восприятия российской границы: как крайней точки телеутских кочевий или джунгарских владений в Верхнем Обь-Иртышье, а также соотношения пределов российской территории с крепостями региона. В 30-40-х гг. XVIII в. на картах закрепился линейный принцип отображения границы, подчеркнуто относивший к России земли Верхнего Приобья до Телецкого озера (включительно) и Верхнего Прииртышья до устья Ульбы.

Официально-дипломатическое понимание границы нашло отражение в посольских материалах, документах центральных и региональных властей. Содержательная линия здесь сводилась к обоснованию суверенных прав России на всю территорию Верхнего Обь-Иртышья вплоть до озера Зайсан, а в качестве системы аргументации привлекались элементы доктрины захватного права, где принадлежность того или иного участка пространства рассматривалась в формате всеобъемлющего суверенитета государства над протекавшими в регионе реками. Джунгарская политическая элита не признавала претензий российской стороны. Краеугольным камнем позиции контайши и его дипломатических агентов стало указание на проведение еще в XVII в. примитивной процедуры делимитации границы по линии «Омь – Иня». В качестве реакции на эти притязания российская сторона разрабатывала идею кондоминиума, а также рассматривала возможность проведения односторонней делимитации границы на основе результатов экспедиций в предгорья Алтая П.А. Мельникова в 1733-1734 гг.

Локально управленческий формат восприятия государственных рубежей связан с фактическим пределом административной юрисдикции низовых управленческих структур в регионе. В такой трактовке граница представляла собой обрамляющую черту расположения фискально-обязанного населения. Отсутствие ее точных контуров предопределило возникновение двух локальных буферных приграничных зон: медиальным центром первой, расположенной в верховьях Оби, становилась Бикатунская крепость; вторая сосредоточивалась в междуречье Алея и Чарыша и в документах условно обозначалась «степью».

Во второй главе **«Система управления Верхним Обь-Иртышьем в первой половине XVIII в.»** акцент делается на реконструкции нормативно-правовых основ и сферы реальных прерогатив местных и локальных структур управления регионом.

Первый параграф *«Организация системы управления Верхним Обь-Иртышьем. Колыванские заводы в политике кузнецкого воеводы»* определяет основные параметры иерархии власти, контролировавшей освоенческий процесс в регионе, и показывает специфику полномочий воевод Кузнецкого уезда, в том числе, в контексте практики взаимодействия с частновладельческими приказчиками А.Н. Демидова.

Администрирование Верхним Обь-Иртышьем выстраивалось на центральном, региональном, местном и низовом (локальном) уровнях. Если император, Сенат и губернатор, как правило, ограничивались общими

распоряжениями об осуществлении экспедиций в регион и организации фортификационного строительства, то несравнимо большая административная активность была характерна для воевод Кузнецкого уезда. Нормативно-правовой базой их деятельности становились индивидуальные указы, составленные на основе типовых инструкций 1719 и 1728 гг., однако со временем эта практика уступила место единому губернаторскому указу, в котором отражался факт назначения на должность и в кратком, сжатом виде транслировались ключевые полномочия уездного администратора. В большинстве случаев кузнецкие воеводы осуществляли администрирование освоением Верхнего Приобья удаленно, исключением являлись единичные поездки инспекционного характера в порубежные крепости и инцидент с раскольниками в деревне Ново-Шадрино в 1739 г.

Начиная со второй четверти XVIII в. административная повестка кузнецких воевод дополнилась темой колыванских предприятий. После набега кочевников на Колыванский завод в 1728 г. И.В. Болтин сначала разделил нагрузку охраны производства между Томском и Кузнецком, а затем в 1730 г. полностью закрепил ее за последним, предписав посылать по 60 казаков «с переменою». Это решение вызывало скрытый саботаж со стороны кузнецких воевод. Другой сферой пресечения интересов гражданских и частновладельческих структур становились вопросы хранения казенной соли. Спор уездных управителей и приказчиков А.Н. Демидова вскрыл существеннейшие проблемы ведомства Колывано-Воскресенских заводов с организацией производства и выплавкой меди в конце 30-х гг. XVIII в., а также фундаментальные претензии со стороны демидовских управителей к уездным властям.

Второй параграф *«Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья в системе управления регионом»* посвящен реконструкции функционального статуса приказчиков Белоярской и Бикатунской крепостей, а также Малышевой слободы как низового звена системы управления регионом.

Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья представляли собой ординарный институт локального звена общегражданской системы управления регионом. Они относились к категории «годовальщиков» - дворян, детей боярских или служилых людей, привлекавшихся аппаратом управления для решения определенных задач на ограниченное время, как правило, на один год. В непростых внешнеполитических условиях и по мере усложнения характера освоения юго-западных окраин Кузнецкого уезда четко установленный срок в 12 месяцев становился не более, чем условностью: на ранних стадиях заселения округа он мог сокращаться до 3-4 месяцев, на более поздних этапах приказчики находились в своей должности два года и более.

Приказчики испытывали острый дефицит артиллерии и припасов, а также служилых людей, составлявших воинскую команду. К середине 30-х гг. XVIII в. недостаток пороха в острогах Верхнего Приобья составлял более 50% от штатного расписания. Гарнизоны Бикатунской и Белоярской

крепостей также были крайне немногочисленны: количество защитников укрепленного пункта в районе Бии и Катуня колебалось от 50-60 в первые годы после строительства до 35-40 ближе к середине 30-х гг. XVIII в., а в Белоярскую крепость с конца 20-х гг. столетия воеводы и вовсе перестали посылать годовальные команды. Создавшуюся ситуацию приказчики стремились хотя бы частично решить за счет «приписок» крестьян и переселенцев из других районов.

Нормативно-правовая база деятельности приказчиков выстраивалась на основе наказной (воеводской) памяти. Ключевыми функциями являлись оборонно-снабжение, административно-хозяйственная, полицейская и промульгационная.

Оборонно-снабжение направление предполагало решение центральной для приказчиков задачи – «сбережения острогов». Несмотря на дефицит гарнизонных команд воеводы требовали в случае агрессии со стороны кочевников полного уничтожения нападавших. Такие предписания носили ярко выраженный декларативный характер, в реальности же после первой крупной стычки с группой вооруженных калмыков в районе Белоярской крепости приказчикам строго было запрещено посылать отряды за пределы острога, и управленцы сосредоточились на пассивной разведке.

В периоды стабилизации военно-политической обстановки на южных рубежах Кузнецкого уезда в управленческой деятельности приказчиков на первый план выходила административно-хозяйственная функция. Управленцам предписывалось вести учет поднадзорного населения, контролировать перемещения на длительный срок и препятствовать самовольному переселению в другие районы. Надзор за местным населением со стороны приказчиков не носил тотального, всеобъемлющего характера. На ранних этапах заселения окраин Верхнего Приобья, особенно Бийской крепости «начальные люди» были напрямую заинтересованы в увеличении количества населения вверенной им округи, поскольку это выступало залогом повышения эффективности управленческого процесса и увеличивало число потенциальных защитников острога в случае набегов ойротов.

Центральным субнаправлением в рамках полицейской функции приказчиков становилась высылка беглых и служилых людей (подозревавшихся в совершении преступления) в Кузнецк. Особое место в практике дознания занимали случаи «государева слова», при этом большинство расследовавшихся инцидентов было связано с употреблением алкоголя. В некоторых случаях приказчикам приходилось приводить в исполнение наказание, вынесенное воеводой.

Четвертой функцией приказчиков являлась промульгационная. В условиях отсутствия широких каналов распространения информации в XVIII в. фактически единственным вариантом оглашения закона становилось его озвучивание жителям локального района. В своих доношениях приказчики указывали, что «во всенородное известие

публикованы, а в пристойные места указы Ея Императорского Величества выставлены».

Утвердившаяся в советской историографии точка зрения о том, что крестьянская администрация могла существенно ограничивать пределы реальной власти приказчиков слабо соответствует исторической реальности юго-западных окраин Кузнецкого уезда первой половины XVIII в. В Верхнем Приобье крестьянский мир в отсутствие сколько-нибудь существенных инструментов общественного контроля фактически не справлялся с возложенными на него обязанностями.

В третьем параграфе «*Организация управления Верх-Иртышскими крепостями*» рассматривается степень вовлеченности центральных органов власти в администрирование российскими укреплениями на Иртыше, выделяются общие функциональные направления деятельности руководителей местных гарнизонных канцелярий.

Вертикаль управления крепостями локального района в значительной степени являлась синкретичной с явными признаками одновременно и централизации и децентрализации. Номинально ключевая роль в формировании законодательного поля принадлежала именным императорским указам, однако их немногочисленность и заостренность на не связанных с построением иерархии власти вопросах способствовали лишь размыванию транслировавшейся доктрины. Системообразующими звеньями вертикали управления Верх-Иртышскими крепостями выступали Военная коллегия и Сибирская губернская канцелярия. Указы коллегии и губернатора направлялись «командиру Верх-Иртышских (Верхнеиртышских) крепостей» – старшему по званию штаб-офицеру, контролировавшему гарнизонные канцелярии каждого оборонительного сооружения. Командир располагался в Ямышевской крепости и совмещал свою должность с обязанностями начальника этого гарнизона. Наиболее известными руководителями Ямышевской гарнизонной канцелярии являлись И. Вельяминов-Зернов, А. Зыбин, Т. Зорин.

Администрирование в Верх-Иртышских крепостях осуществляли командиры – штаб-офицеры, управлявшие местным гарнизоном. Они получали прямые указы Военной коллегии и сибирского губернатора, однако подотчетны были только региональной гражданской власти: командир Верх-Иртышских крепостей отправлял в губернский центр доношения, составленные, в свою очередь, на основе доношений нижестоящих штаб-офицеров. Институционализация командиров Верх-Иртышских укреплений как административных структур проходила в ситуации возникновения системных противоречий между гражданскими и ведомственными институтами управления. На это накладывалась немногочисленность и рассредоточенность гарнизонов крепостей. К середине 20-х гг. XVIII в. во всех Верх-Иртышских крепостях насчитывалось 750 солдат, спустя два десятилетия эта цифра возросла до 850, однако более половины из этого числа было командировано в только что построенные

форпосты и защиты. В результате в условиях ресурсно-кадрового дефицита и отсутствия законодательной регламентации компетенций штаб-офицеров направления их деятельности (оборонительная, дипломатическая и таможенно-полицейская функции) были существенно ограничены, что, однако, не означало снижения эффективности управления.

В заключении диссертации подведены общие итоги исследования.

Начальный этап активного проникновения и закрепления за Россией Верхнего Обь-Иртышья характеризовался исключительной ролью государства как единственного централизованного освоителя, осуществлявшего долгосрочное, стабильное по своему характеру воздействие на пространство. Это требовало от имперского центра построения системы устойчивых каналов влияния на интегрируемые области, которыми и стали механизмы государственной политики.

Первое десятилетие XVIII в. ознаменовалось стремлением государственных властей добиться амбициозной цели полного закрепления за Россией верхних бассейнов Оби и Иртыша исключительно силовыми способами: военно-инженерной и фортификационной политикой. Несостоятельность ставки на воздействие только милитаристскими инструментами при освоении предгорий Алтая стала очевидна практически сразу.

На этом фоне усилилась значимость формировавшейся пространственной модели региона, а также важнейшей ее составляющей – государственной границы. Три парадигмы ее восприятия (картографическая, официально-дипломатическая и локально-управленческая) не являлись тождественными и уж тем более идентичными, а выступали, скорее, в качестве взаимодополняющих.

Фактически российские власти стремились не столько установить в регионе границу по административным объектам, сколько очертить своеобразные пределы освоения с последующей их легитимацией за счет признания джунгарской стороной. Параллельно с этим в течение 20-40-х гг. XVIII в. в сознании имперской элиты происходил генезис идеи «искусственности» государственных рубежей – необходимости одностороннего установления государственной границы в соответствии со спецификой реализации выработанной освоенческой программы. Эти обстоятельства в генеральной совокупности детерминировали возникновение феномена «открытой» границы.

Достижение Российским государством столь широкомасштабных освоенческих задач находилось в прямой зависимости от налаживания эффективно функционировавшей административной вертикали. Система управления Верхним Обь-Иртышьем (Алтаем) в первой половине XVIII в. демонстрировала свою адаптивность, способность к вариативному построению отдельных сегментов, созданию схожих, но не тождественных каналов управленческой коммуникации. Если в Верхнем Приобье был развернут во многом классический вариант линии «губернатор – воевода –

приказчики острогов и слобод», обладавший при этом своими специфическими чертами, то в Верх-Иртышских крепостях из этой мезосистемы исключался медиальный уровень, в результате чего она приобретала гипертрофированный вид «губернатор – штаб-офицеры гарнизонных канцелярий». Ведущей чертой управленческой среды Верхнего Обь-Иртышья становилась «недоуправляемость», которая заключалась в нехватке у центральной власти, с одной стороны, достаточного числа администраторов на душу населения, чтобы проводить политику эффективно и разумно, с другой – военно-стратегических ресурсов, позволивших бы диктовать свою волю в приграничном регионе без оглядки на интересы других акторов.

Это предопределило жесткую сцепку и вызванную ей гибридизацию политико-правовых и военно-политических механизмов освоения Алтая. В пространственной модели гибридизация была связана с созданием гипертрофированных проекций пространства Верхнего Обь-Иртышья. В системе управления порождалась эпигенетичность административных структур. При сохранении внешней формы, соответствовавшей другим регионам страны, управленческие институты Верхнего Обь-Иртышья получали совершенно иное, качественно отличное исполнение. Примечательно, что такие гибридные, эпигенетические формы оказывались не просто приемлемыми, а в чем-то даже оптимальными для протекавшего освоения. Ситуация перманентной разновекторной миграции функционального акцента (модель «губернатор – воевода – приказчики острогов и слобод» в Верхнем Приобье) или его сознательное смещение в пользу той или иной группы вопросов (военно-оборонительное администрирование в модели «губернатор – штаб-офицеры гарнизонных канцелярий» в Верхнем Прииртышье) позволяли рационализировать дефицитную ресурсную базу, грамотно и эффективно мобилизовать резервы для решения четко очерченного, в чем-то даже ограниченного круга вопросов. Таким образом, гибридизация и эпигенетичность в непростых реалиях освоения Верхнего Обь-Иртышья образца первой половины XVIII в. выступали факторами не амортизации эффективности системы управления, а, скорее, наоборот, условиями приспособления к ситуативной и быстро меняющейся региональной конъюнктуре.

Вызревание эпигенетических структур в условиях агрессивной фронтальной модернизации административно-правовой среды Алтая первой половины XVIII в. создало благоприятные условия и предпосылки для формирования и функционирования в регионе специфических ведомственных вертикалей управления во второй половине XVIII в.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах, рекомендованных ВАК:

1. Бобров, Д.С. Институт приказчиков в системе управления территорией Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров //

Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. – 2013. – № 4. – Т. 1. – С. 114–118 (0,5 п.л.).

2. Бобров, Д.С. Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров, Т.Н. Соболева // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 34–41 (авт. вкл. 0,7 п.л.).

3. Бобров, Д.С. Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья как системообразующие институты локального звена системы управления регионом в 20 – 30-х гг. XVIII в. / Д.С. Бобров // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 33–37 (0,5 п.л.).

4. Бобров, Д.С. Формирование российской границы в Верхнем Обь-Иртыше в оценках ученых и путешественников XVIII в. / Д.С. Бобров // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 12–18 (0,9 п.л.).

Монографии:

5. Соболева, Т.Н. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.): монография / Т.Н. Соболева, П.А. Афанасьев, А.Е. Кухаренко, Д.С. Бобров. – Барнаул: Азбука, 2012. – 260 с. (авт. вкл. 3 п.л.)

6. Бобров, Д.С. Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII – начала XX в.: монография / Д.С. Бобров, В.В. Ведерников, Д.С. Дегтярев, А.Е. Кухаренко, К.А. Пожарская, Т.Н. Соболева, К.Е. Стрелец, Л.С. Тихобаева; под ред. Т.Н. Соболевой, Д.С. Боброва. – Барнаул: Азбука, 2016. – 440 с. (авт. вкл. 4 п.л.)

Статьи и тезисы:

7. Бобров, Д.С. К вопросу об основных аспектах административной истории Алтая первой половины XVIII в. / Д.С. Бобров // «Студент и научно-технический прогресс»: Материалы XLVIII Международной научной студенческой конференции. Серия: «История» / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск: РИЦ Новосибирского государственного университета, 2010. – С. 106–107 (0,13 п.л.).

8. Бобров, Д.С. Идея «фронтира» – один из взглядов на процесс освоения Алтая как периферийного пространства / Д.С. Бобров // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в.: сборник научных статей / отв. ред. Т.Н. Соболева. – Барнаул: Азбука, 2011. – С. 7–17 (0,64 п.л.).

9. Бобров, Д.С. К вопросу о взаимоотношении понятий «колонизация» и «фронтир» в методологическом поле современного сибиреведения / Д.С. Бобров // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: Материалы XXXVIII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Вып. 8. –

Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2011. – С. 13-14 (0,16 п.л.).

10. Бобров, Д.С. К вопросу о специфике административного развития Алтая в первой половине XVIII в. в условиях зоны фронта / Д.С. Бобров // «Студент и научно-технический прогресс»: Материалы XLIX Международной научной студенческой конференции. Серия: «История» / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск: РИЦ Новосибирского государственного университета, 2011. – С. 110–111 (0,12 п.л.).

11. Бобров, Д.С. Особенности эволюции административного поля Алтая в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: материалы конференции / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2011. – С. 94–95 (0,15 п.л.).

12. Бобров, Д.С. «Чертежная книга Сибири» и Атлас Российской империи 1745 г. – две вехи в эволюции картографической проекции государственного взгляда на процесс освоения Алтая в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров // Общественные науки. – 2011. – № 10. – С. 110–118 (0,55 п.л.).

13. Бобров, Д.С. Эволюция государственного взгляда на процесс освоения Алтая в первой половине XVIII в. через призму изменения специфики картографического материала / Д.С. Бобров // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в.: сборник научных статей / отв. ред. Т.Н. Соболева. – Барнаул: Азбука, 2011. – С. 62–70 (0,52 п.л.).

14. Бобров, Д.С. Важнейшие закономерности складывания и развития алтайского фронта / Д.С. Бобров // Молодежь в XXI в.: Материалы XIII краевой молодежной научно-практической конференции. – Барнаул; Рубцовск: Издательство Алтайского государственного университета, 2012. – С. 248–250 (0,12 п.л.).

15. Бобров, Д.С. О соотношении военного и общегражданского начал в функционировании низовых звеньев системы управления территории Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров // Алтай в истории российской государственности: материалы научно-практической конференции, Барнаул, 10 – 11 сентября 2012 г. / под ред. Е.В. Демчик, Ю.М. Гончарова. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2012. – С. 76–78 (0,2 п.л.).

16. Бобров, Д.С. Оборонно-снабжение функция приказчиков крепостей Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров // Тобольск научный – 2012: Материалы IX Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Тобольск, 9 – 10 ноября 2012 г.). – Тюмень: Тюменский издательский дом, 2012. – С. 256–259 (0,35 п.л.).

17. Бобров Д.С. Целевые установки формирования картографической модели Алтая в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXIX научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Вып. 9. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2012. – С. 17–18 (0,15 п.л.).
18. Бобров, Д.С. Алтай на генеральной карте Российской империи и атласа И.К. Кирилова / Д.С. Бобров // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: материалы Всероссийской научной конференции / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2013. – С. 89–91 (0,3 п.л.).
19. Бобров, Д.С. Алтайский военный фронт в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров // Сборник научных статей молодежной школы-семинара «Ломоносовские чтения на Алтае», Барнаул, 5 – 8 ноября, 2013 г.: в 6 ч. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2013. – Ч. IV. – С. 176–183 (0,5 п.л.).
20. Бобров, Д.С. К вопросу о предпосылках становления «Региона Кольвано-Воскресенского горного ведомства»: общетеоретические аспекты / Д.С. Бобров // Тобольск научный – 2013: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции (г. Тобольск, 25 – 26 октября 2013 г.). – Тобольск: Тобольская типография филиал ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. – С. 224–227 (0,25 п.л.).
21. Бобров, Д.С. Общие проблемы становления и функционирования систем локального администрирования в Верхнем Обь-Иртыше в 20-30-е гг. XVIII в. / Д.С. Бобров // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: Материалы XL научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Вып. 10. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2013. – С. 13–15 (0,22 п.л.).
22. Бобров, Д.С. Принципы организации низовых звеньев системы управления окраинами Российской империи в первой половине XVIII в. (на примере Алтая) / Д.С. Бобров // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2013. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader (0,16 п.л.).
23. Бобров, Д.С. Отражение промежуточных итогов освоения пространства Алтая в первом официальном атласе Российской империи 1745 г. / Д.С. Бобров // Диалог культур и цивилизаций: Материалы XIV Всероссийской с международным участием научной конференции молодых исследователей. – Тобольск: Издательство Тобольской

государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева, 2013. – С. 54–57 (0,35 п.л.).

24. Бобров, Д.С. Фронтирная модернизация управленческого сегмента Алтайского региона в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров // Региональный фактор модернизации России XVIII – XX вв.: сборник научных статей / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН; отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург: УИПЦ, 2013. – С. 52–55 (0,25 п.л.).

25. Бобров, Д.С. Картографические материалы как инструмент формализации государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26 – 27 сентября 2014 г.). – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. – С. 114–122 (0,5 п.л.).

26. Бобров, Д.С. Наказные памяти приказчикам крепостей Верхнего Приобья в конце 10-х – начале 30-х гг. XVIII в. / Д.С. Бобров // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX в.): Сборник материалов всероссийской научной конференции / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2014. – С. 178–186 (0,55 п.л.).

27. Бобров, Д.С. Генезис доктрины стратегической границы как идейной основы лимогенеза Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров // Вопросы истории Сибири: сборник научных статей / отв. ред. М.К. Чуркин, Т.А. Сабурова, И.И. Кротт. – Вып. 12. – Омск: Издательство Омского государственного педагогического университета, 2015. – С. 17–23 (0,5 п.л.).

28. Бобров, Д.С. Оценка М.И. Венюковым лимогенеза Российской империи на юге Западной Сибири в XVIII в. / Д.С. Бобров // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов четвертой Всероссийской молодежной научной конференции. – Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2015. – С. 51–59 (0,54 п.л.).

29. Бобров, Д.С. Первое русское топографическое описание верховий Иртыша / Д.С. Бобров, Л.С. Тихобаева // Тобольск научный – 2015: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), г. Тобольск, 12 – 13 ноября 2015 г. – Тобольск: ООО Принт-Экспресс, 2015. – С. 141–144 (авт. вкл. 0,2 п.л.).

30. Бобров, Д.С. Политико-географические образы границы Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров, Т.Н. Соболева // Дневник Алтайской школы политических исследований № 31. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии): сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2015. – С. 201–206 (авт. вкл. 0,3 п.л.).

31. Бобров, Д.С. Стратегическая государственная граница Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. / Д.С. Бобров // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. – М.: Издательство Московского государственного университета, 2015. – С. 635–639 (0,3 п.л.).
32. Бобров, Д.С. Экспедиции П.А. Мельникова в предгорья Алтая 1733-1734 гг. в контексте формирования российской государственной границы в Верхнем Обь-Иртыше / Д.С. Бобров // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. – Новосибирск: Издательство «Апельсин»; Институт истории СО РАН, 2016. – С. 20–27 (0,55 п.л.).